

УДК 2-463:27(470.2)

**КАРЕЛЬСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО:
СТАНОВЛЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ,
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности просветительской и организаторской деятельности Карельского православного братства. Выявлено, что основной целью активности братства являлось церковное просвещение карелов. Для достижения указанной цели братством проводились многочисленные и разнообразные мероприятия: поощрение изучения карельского языка местным духовенством, пополнение храмовых библиотек, поддержка приходских школ в местностях, населенных карелами. Деятельность Карельского братства в значительной степени связана с противостоянием «финской угрозе», под которой в изучаемый период понималось преимущественно распространение лютеранства. Усилия, предпринятые братством, объективно способствовали распространению и улучшению качества начального образования в карельских деревнях, переводам текстов Священного Писания на карельский язык, формированию национальной интеллигенции.

Ключевые слова: братство, Церковь, проповедь, духовенство, просвещение, культура, библиотеки, миряне, карелы.

**KARELIAN ORTHODOX BROTHERHOOD:
ESTABLISHMENT, EVOLUTION,
MAIN AREAS OF ACTIVITY**

Pulkin M.V.

The paper examines the main patterns of the educational and organizational activities of the Karelian Orthodox Brotherhood. It is revealed that the main goal of the brotherhood's activities was the church-based enlightenment of the Karelians. To achieve this goal, the brotherhood carried out numerous and varied activities:

encouraging local clergy to study the Karelian language, replenishing church libraries and supporting parish schools in areas inhabited by Karelians. The activities of the Karelian Brotherhood were largely linked to countering the “Finnish threat,” which during the period under study primarily referred to the spread of Lutheranism. The efforts undertaken by the brotherhood objectively contributed to the spread and improvement of the quality of primary education in Karelian villages, to the translation of the Holy Scripture texts into the Karelian language, and to the formation of a national intelligentsia.

Keywords: brotherhood, Church, preaching, clergy, enlightenment, culture, libraries, laypeople, Karelians.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

Церковные братства относятся к числу феноменов религиозной жизни, сформировавшихся сравнительно поздно. Их основное предназначение состояло в том, чтобы оживить и всесторонне модернизировать церковную жизнь в России. Начало их становлению положили опубликованные в мае 1864 г. «Основные правила для учреждения православных церковных братств». Закон понимал под православными братствами «общества, состояющиеся из православных лиц разного звания и состояния для служения нуждам и пользам Православной Церкви». Изначально братства предназначались для «противодействий посягательствам» на исконные права Церкви со стороны ее явных и тайных врагов – «иноверцев и раскольников». Другим обязательным направлением их деятельности стала действенная и разносторонняя помощь приходам и монастырям в «созидании и украшении православных храмов». Братства учреждались также с разнообразными просветительскими и филантропическими целями «для дел христианской благотворительности, для

распространения и утверждения духовного просвещения». «Основные правила» предполагали открытие и деятельность братств под постоянным и строгим контролем епархиального архиерея и губернатора, которые утверждали устав каждого братства и непрестанно надзирали за его деятельностью [5, с. 409-410; 8, с. 43]. Существенную роль в становлении и развитии братского движения сыграл закон «О составлении проекта правил об организации православных приходов, приходских попечительств и братств» [6, с. 915].

Закон «не предполагал какую-либо классификацию братств и регламентировал лишь основные вопросы создания, подчинения и деятельности церковных братств» [13, с. 11]. Это открывало перед местными духовными властями широкий простор для реализации собственной инициативы и адаптации направлений деятельности братств к местным условиям. Согласно основному правовому акту, регламентирующему компетенцию братств, круг их деятельности строго ограничивался: они работали под постоянным контролем со стороны губернского и епархиального начальства. В то же время современники событий и исследователи истории братств полагали, что именно в них в наибольшей степени реализовывались высокие идеалы раннего христианства. По словам одного из ведущих современных специалистов по истории и практике братского движения Георгия Кочеткова, «в общинах и братствах есть попытка более гармоничного сочетания принципа любви к Богу и к ближнему; есть попытка всегда помнить об изначальном всеобщем царственном священстве народа Божьего; есть попытка возрождения "мирянских" служений и полноценного достоинства всех членов Церкви, как мужчин, так и женщин» [14, с. 199].

Историография братств сравнительно невелика: монастыри и приходы заметно сильнее привлекали внимание исследователей. Изучались в основном западнорусские братства, противостоявшие в свое время влиянию униатов и католиков (Львовское, Киевское, Луцкое) [10, с. 13-40]. Рассмотрение проблем становления и деятельности братств Дальнего Востока началось недавно [54, с. 194-198]. Существенное внимание историки уделили успешному Казанскому

братству во имя св. Гурия, трудившемуся на ниве церковного просвещения татар [39, с. 327-332]. Из северных братств больше всего повезло Карельскому: в существенной мере ему посвящена кандидатская диссертация, монография и ряд публикаций В. Трофименко [45; 46; 47], обширная статья Н.А. Кораблева [12, с. 121-171], а также значительная часть монографии М. Витухновской [3, с. 117-208]. Обобщающая картина развития братств по всей России в настоящее время в исторической науке отсутствует. Попытка оценить процесс развития братств в общероссийском масштабе предпринята в исследовании Ф. Дорофеева [7].

Источниками для изучения истории братств являются их уставы и материалы делопроизводства. Значительная часть необходимых для исследователя документов, в той или иной мере связанных с братствами, опубликована. В них подробно представлены основные направления деятельности братств, отчасти изложены мотивы их создания и приведены краткие сведения о составе участников. Существенным подспорьем в исследовании являются отчеты о состоянии братств. Незаменимые сведения и более-менее объективные оценки деятельности братств содержатся в программных выступлениях их отдельных влиятельных членов (для истории Карельского и Александро-Свирского братств особенно значимы произведения священника Д. Островского) [20; 21, с. 59-60; 22, с. 754]. Все перечисленные источники содержат сведения о числе и статусе «братчиков», основных направлениях деятельности братств, наиболее существенных успехах и достижениях, ближайших предполагаемых перспективах их развития, финансовой деятельности. Накопленный опыт работы братств постоянно обобщался в делопроизводстве консистории (преимущественно в протоколах ее заседаний) и регулярно присутствовал в разнообразных публикациях местной православной периодической печати.

Возникновение и начало деятельности братств связано с далекими от севера землями, где Православная Церковь на многие годы оказалась в крайне тяжелом положении. Первый исследователь церковных братств И. Флеров

связывал появление братств с историей католической Польши. Здесь братства позволяли немногим православным, непривычно находящимся в меньшинстве, «жить литургической жизнью <...> во враждебном окружении» [51, с. 14]. Но по вполне понятным причинам, из-за явного неравенства сил существование ранних православных братств оказалось совсем недолгим. Начало нового этапа братского движения связано с 1860-ми гг. – временем заметного оживления церковно-приходской жизни и периодом проведения в России ряда реформ в религиозной сфере. Перспективы развития разнообразных православных сообществ виделись тогда в возвращении к ранним истокам христианской веры: воссоздании жизни церковных приходов на «древнерусских началах», что с точки зрения большинства современников событий отождествлялось с формированием приходского самоуправления в финансовых и организационных вопросах. Особенно активно идеи самостоятельности прихода и опоры на братское движение в деле возрождения полноценного влияния Православной Церкви в обществе отстаивал А.А. Папков [29; 30].

В качестве способа решения этой проблемы рассматривалось повсеместное создание приходских попечительств и расширенное возрождение церковных братств. Их, прежде всего, воссоставляли на тех территориях, где изначально формировалось братское движение. В 1863 г. в Вильно появилось Западно-русское братство, действовавшее под руководством Министерства народного просвещения [40, с. 364]. Поначалу создавать братства оказалось несложно. Официально они никогда не запрещались; никакого особого закона о них не существовало. Память о них сохранилась в западных губерниях Российской империи «с глубокой старины» [40, с. 364]. Вскоре братства оказались под всесторонним государственным контролем. Опубликованные в мае 1864 г. «Основные правила ...» положили начало планомерному созданию братств. Сразу после издания правил и до 1880 г. в России возникло всего 63 братства. В дальнейшем процесс существенно ускорился и приобрел большие масштабы: к 1914 г. численность братств достигла четырех сотен [7, с. 11], а по другим данным, более 700 [53, с. 382].

Братства повсеместно сразу приступили к деятельности: приняли под опеку церковные школы своих епархий, заметно оживили дело церковной и особенно внебогослужебной проповеди, а также миссионерской деятельности и весьма значительно продвинули вперед дело просвещения народа путем широкого распространения книг и брошюр религиозно-нравственного содержания [41, с. 155]. Они действовали в тесном контакте с другими многочисленными и разнообразными церковными организациями: приходскими попечительствами, обществами трезвости, переводческими комиссиями, православными обществами, привлекая в свои ряды приходское духовенство, епархиальных миссионеров, иных представителей церковной интеллигенции. Отчасти, эпизодически прослеживается взаимодействие братств с монастырями. Отчеты братств и их программные документы не упоминают о земствах, хотя в целом взаимодействие Церкви и земств в Олонецкой епархии является очевидным фактом. Возможно, такой казус связан с тем, что братства занимались достаточно узким кругом дел, и прямое участие земств в их деятельности не предусматривалось. Помимо наиболее значительных Александро-Свирского и Карельского, в Олонецкой епархии действовали: 1) Олонецкое епархиальное братство [23, с. 1-8]; 2) Православное братство во имя Преподобного Александра Ошевенского Чудотворца [50, с. 6]; 3) Православное братство во имя св. пророка Божия Илии в Ивинском приходе Петрозаводского уезда с обществом трезвости ставило перед собой три цели: религиозно-просветительную, благотворительную «через возможную помощь бедным» и борьбу против пьянства [43, с. 406-408]. Но они не развили активную деятельность. Только два братства, тесно связанные с Олонецкой епархией, достигли существенных масштабов и успехов в своей деятельности.

Правильное (законное и рациональное) обустройство религиозной жизни в Карелии существенно осложнялось тем обстоятельством, что значительная часть местных жителей Архангельской и Олонецкой епархий не в полной мере владела русским языком. Карелы зачастую оказывались неспособны полноценно воспринимать христианское вероучение и осознанно участвовать в

требоисполнении. Другой аспект языкового барьера заключался в отсутствии переводов богослужебных текстов на местные «наречия». На отсутствие необходимой богослужебной литературы на языках народов Европейского Севера обратил внимание архангельский преосвященный Никанор, бывший председатель Казанского просветительского общества имени святителя Гурия [42, с. 421]. Некоторые исследователи связывают появление Карельского братства с возрастанием активности лютеранских миссий на Европейском Севере России, которая «вызывала растущую обеспокоенность в административных и религиозных кругах Архангельской и Олонецкой губерний, а также у руководства Финляндской православной епархии» [1, с. 242; 12, с. 126]. Высказывания о таких мотивах для создания братства присутствуют в епархиальной прессе: «Карелы далеко отстали от всей массы русского народа в религиозно-нравственном и культурном развитии; им грозит могучий натиск со стороны финнов. Восполнить эти недочеты, поставить карел на один уровень развития с русским народом, охранить их от панфинской пропаганды – вот та задача, которую осуществить в порядке обыкновенного духовно-гражданского управления было бы невозможно без ущерба общему течению дел. Тут нужен дружный напор духовной и светской власти со всеми русскими людьми, кому дорога Родина и ее славное будущее. Этот напор и делает своею целью Православное Карельское св. Великомученика Георгия братство» [18, с. 711-712].

Предшественником Карельского братства на Европейском Севере стал Архангельский комитет Миссионерского общества, состоявший из священников, кровно заинтересованных в распространении Православия среди так называемых инородцев – представителей коренных народов Европейского Севера России [37, с. 97-102]. Комитет возник при следующих обстоятельствах. Сначала по инициативе местного архиерея в Архангельске 21 ноября 1893 г. появился Епархиальный комитет Православного Миссионерского общества. Затем при нем по указу Синода от 28 июля 1894 г. возникла Переводческая комиссия, состоявшая из специально подготовленных священнослужителей,

знакомых с местными «наречиями». Возглавил Комиссию преподаватель местной духовной семинарии Иустин Сибирцев. Ему было поручено «взять на себя труд по переводу и изданию книг на инородческих языках Архангельской епархии», чтобы таким образом «оказать свое содействие к осуществлению одной из главнейших целей Комиссии – просвещения инородцев» [42, с. 421]. Комиссия сразу начала заботиться и о кадрах, пригодных для «инородческих» школ. В июне 1897 г. за счет средств комитета в Кондокскую школу назначили «особого учителя, знающего карельский язык» [17, с. 677].

В январе 1907 г. в небольшом селе Видлицы состоялся первый в истории Олонецкой епархии пастырско-миссионерский съезд, имевший определяющее значение для дальнейшего развития событий. Его участники постановили в ближайшем будущем начать деятельность Карельского братства в Олонецкой епархии и Финляндии. О главной причине предстоящего открытия братства на Видлицком съезде духовенства говорилось вполне определенно. Участники съезда подчеркивали опасность, исходящую из соседних территорий: «Мы были разбужены народом другой веры, устремившимся сюда, чтобы оторвать карел от России и от православной веры, которым они беззаветно всегда были преданы и ныне остаются преданными. Таким соединенным силам врагов России и карел нужно противопоставить также соединенные силы» [16, с. 659]. Видлицкий съезд наметил обширную издательскую и переводческую программу. Выполняя ее, одним из первых участники съезда перевели и издали фрагменты Евангелия на карельском и русском языках, молитвы перед святым причащением, благодарственные молитвы после причащения. Также решили перевести на карельский язык и издать устав братства, описание церемонии его открытия и воззвание братства, адресованное карелам. Братство одобрило и распорядилось напечатать подготовленное протоиереем Николаем Чуковым на русском и карельском языках «краткое руководство для преподавания Закона Божия детям младшего возраста» [33, л. 4]. Немного позднее, 16-19 сентября 1907 г. в Кеми состоялся съезд «русских деятелей». В нем приняли участие представители духовенства Архангельской и Финляндской епархий, а также

местные чиновники. В основном они, судя по протоколам заседаний, солидаризировались с решениями Видлицкого пастырско-миссионерского съезда [36, л. 28].

С 1908 г. в России существовало два Карельских братства. Архангельское православное братство возникло по инициативе местного епископа, пожертвовавшего на первоначальные нужды братства значительную сумму из собственных средств и обязавшего монастыри «к ежегодному отчислению из своих средств в пользу братства». Одновременно на смежных территориях Олонецкой и Финляндской епархий начало действовать Георгиевское Карельское братство. Архангельский архиепископ Иоанникий (Казанский) полагал, что принятый в Финляндской и Олонецкой епархиях устав братства «сильно снижает роль епархиальных архиереев и не указывает конкретно на источники денежных средств его бюджета» [2, с. 93]. Георгиевское братство, учрежденное в конце ноября 1907 г., действовало на территориях Олонецкой и Финляндской епархий. Братство Михаила Архангела, открытое 17 февраля 1908 г., существовало в Архангельской епархии. «Такая ситуация сохранялась ровно до того момента, когда в Архангельской епархии сменился епископ». В 1909 г. братства слились воедино [2, с. 93]. Как говорилось в издании, посвященном 25-летию архипастырского служения епископа Мисаила, при его «деятельнейшей поддержке» учреждено Карельское братство. Владыка лично открыл в Петрозаводске его Олонецкое отделение, «поставившие себе задачей охранять от врагов православия и русской государственности в Олонецкой епархии целую окраину ея, так называемую Олонецкую Карелию, которой вместе с другими – Финляндской и Архангельской – Карелиями грозит опасность панфинско-лютеранской пропаганды» [55, с. 9].

В первую очередь братство обязывалось заботиться о «подъеме, развитии и укреплении религиозно-нравственного сознания православных карелов через распространение среди них Священного Писания на карельском, славянском, русском и финском языках, молитвенников, книг и брошюр религиозно-нравственного содержания». Затем братство занялось изданием и

распространением сочинений, «имеющих местный интерес, на карельском и русском языках» [49, с. 545]. Целью Карельского братства стало противодействие лютеранской и панфинской пропаганде. Другой немаловажной задачей стал ремонт церквей, открытие приходов в селах и деревнях, содействие священникам и прихожанам в создании «благолепия» в храмах, открытие приходских библиотек, распространение среди населения «книг религиозно-нравственного и национально-патриотического характера», «устройство беседований и чтений при школах». В декабре 1909 г. Синод утвердил общий устав для прежде отдельных Карельских братств. Главная особенность нового устава заключалась в том, что «им устанавливается более независимое и самостоятельное управление делами братства в каждой епархии отдельно, под руководством местных советов и применительно к местным условиям» [52, с. 53].

Формирующееся объединенное братство столкнулось с многочисленными трудностями. Прежде всего, обнаружились разногласия в церковном руководстве. Архангельский епископ Иоанникий полагал, что принятый в Финляндии и Олонецкой епархии устав «сильно снижает роль епархиальных архиереев» и не указывает на источники денежных средств для пополнения бюджета братства. Финляндского архиерея Сергея (Страгородского), будущего Патриарха, не устраивал мелочный административный надзор, предусмотренный уставом, разработанным в Архангельске. Но главным источником противоречий стал вопрос о роли финского языка. Владыка Сергей оказался сторонником широкого использования финского языка в богослужении и при совершении церковных треб. Он писал: «Запрещать распространение Священного Писания на финском языке в Беломорской Карелии значит совершенно устраниться от руководства духовным питанием тамошних карел. К финскому языку они привыкли и его так знают, что когда им в Ухту предложили на выбор карельский и финский тексты, они выбрали финский. Не находя у наших книгонош понятных им книг православных, карелы будут брать книги у лютеранских агитаторов и получать,

конечно же, книги лютеранские» [цит. по: 2, с. 82]. Возражая собрату, архангельский владыка требовал запретить использование финского языка в церковном просвещении и подготовке богослужебных текстов.

В начале деятельности братство столкнулось со вполне предсказуемой острой проблемой. Она заключалась в языковом барьере между духовенством и паствой. «Такое явление не могло пройти мимо деятелей в этой отрасли». Некоторые из них стали «практиковать разъяснение картин на карельском языке». Учителя школ, созданных братством, «не ограничились этим и стали переводить намеченные для прочтения статьи на карельский язык и затем вели чтения параллельно по-карельски и по-русски» [19, с. 7]. В четырнадцати приходах на территориях Финляндской и Олонецкой епархий Карельское братство открыло библиотеки, состоящие из православной литературы на карельском языке. Затем приходы с преобладающим карельским населением получили «много братских изданий на карельском языке». Так в церковных библиотеках появились «церковные отделы». Оценивая первые итоги деятельности братства, современник событий радостно писал: «Строятся школы, подновляются церкви и часовни, ходят сеятели благодатных семян святого православия в самую карельскую глушь, которая до последнего времени спала глубоким духовным сном и жила вдали от церкви своей неведомой нам жизнью» [38, с. 413].

В дальнейшем, вопреки первоначальным планам и представлениям, стала ощутимой роль финского языка в деятельности братства. В Финляндской епархии братство отпечатаło книгу Н.Ю. Варжанского «Доброе исповедание», переведенную на финский язык [28, л. 28]. В Олонецкой епархии языковые проблемы решались на компромиссной основе. Братство обязывалось постоянно заботиться о «подъеме, развитии и укреплении религиозно-нравственного сознания православных карел через распространение среди них Священного Писания на карельском, славянском, русском и финском языках, молитвенников, книг и брошюр религиозно-нравственного содержания». Особое внимание предполагалось уделить сочинениям, «имеющим местный

интерес, на карельском и русском языках и направленным к разъяснению ложно-социальных и религиозных учений, распространяемых, особенно в последнее время, среди карел». Созданное в Выборге в начале XX в. отделение Карельского православного братства решительно потребовало от приходских священников скорейшего изучения карельского языка и использования его в пастырской и миссионерской деятельности. В издаваемом братством журнале «Карельские известия» отмечалось: «Язык необходим пастору, как огонь повару» [11, с. 5].

Для решения стоящих перед братством проблем планировался и последовательно осуществлялся значительный комплекс мероприятий. Участники братства добивались, чтобы «при замещении священнических мест в карельских приходах делался тщательный выбор кандидатов, лучших как по образованию, так и по своим нравственным качествам, обязательно знающих карельский язык или, по крайней мере, расположенных выучить его». Кроме того, «братчики» просили епархиальное начальство «поставить в обязанность наличному составу духовенства изучить карельский язык в три года» [35, л. 31]. Братство поддерживало идею использования карельского языка в богослужении и церковно-просветительской деятельности. Его участники, «ввиду значительного еще количества взрослых, мало понимающих русский и церковно-славянский язык», признали необходимым, чтобы некоторые составляющие богослужения: чтение Апостола, Евангелия, Символа веры, молитвы Отче наш, а также проповедь «отправлялись на местном карельском наречии» [35, л. 32]. Деятельность Карельского братства в этом направлении стала в России типичным явлением. Аналогичные меры предпринимало, обращаясь к церковному просвещению коми, расположенное в Вологодской епархии Усть-Сысольское отделение Велико-Устюжского Стефано-Прокопиевского братства [32, с. 122].

Карельское братство рекомендовало соблюдать особую осторожность «при передаче образной русской речи, причем собственные имена оставлять без изменения их славянского произношения». Использование карельского языка

предполагалось обязательно сочетать с антилютеранской пропагандой. Участники братства признали полезным «издание пособия для законоучителей по разъяснению ими в школах православного вероучения сравнительно с лютеранским и переводом на карельский язык брошюр, где разъяснялось бы отличие и превосходство православия над лютеранством». Значимые меры принимались для подготовки кадров, необходимых для полноценного использования карельского языка во всех сферах церковной деятельности.

Братство поддержало идею о стипендиях для карелов, введении преподавания карельского языка в учительской и духовной семинариях, епархиальном женском училище, а также о незамедлительном «преобразовании Юргильской второклассной школы в церковно-учительскую женскую с введением в курс ее карельского языка и сведения о лютеранстве для подготовки учительниц в карельские школы». С целью непосредственного контроля за ходом исполнения намеченных планов братство предполагало учредить особое карельское викариатство с пребыванием викария в Александро-Свирском монастыре [35, л. 32, об.].

Одной из своих приоритетных задач братство видело улучшение народного образования. Ребольский съезд Карельского братства, состоявшийся в январе 1908 г., «высказался за преобразование школ грамоты, находящихся в местностях с карельским населением, в виду опасности от финской пропаганды, в высший тип – церковно-приходской школы» [27, с. 2]. Олонецкое отделение Православного Карельского братства в декабре 1909 г. обратилось к председателям уездных советов земских начальников с просьбой «взять на себя труд открытия и организации в уездных городах филиальных отделений названного Братства». В качестве главного аргумента в пользу начинания приводилось следующее рассуждение: «влияние финнов заключается в более высоком культурном уровне их». Поэтому школа обязательно должна служить «несокрушимым орудием, самою могучею культурною силою», противодействующей лютеранству и панфиннизму. При возникновении Карельского братства был отмечен факт столь важного

значения начальной школы и потому «все заботы дирекции и других учреждений и ведомств были устремлены к всестороннему улучшению училищ, чтобы они сделались наиболее продуктивными и возможно лучшими проводниками церковных и народных начал и идей братства в подрастающее поколение [4, л. 122].

В школе, по мнению организаторов братства, следовало обучать карельскую молодежь русскому языку, развивать в детях и взрослых чувств «национального самосознания и народной гордости». Русский язык должен был играть в этом процессе важную роль: «В целях скорейшего проведения в народное употребление русской песни», надлежало «обратиться к руководителям существующих при школах хоров и знатокам пения и музыки с просьбою записать мотивы и слова сохранившихся в их памяти русских старинных песен». Затем следовало издать сборник этих песен, положив тем самым начало «широкой пропаганде их в народе» [24, с. 9]. По причине слабой развитости в Кемском уезде земской системы здравоохранения местное отделение Православного карельского братства предприняло акцию по созданию сельской аптечной сети: в селах Беломорской Карелии появилось 17 аптечных пунктов, обеспеченных наиболее востребованными медикаментами [25, с. 15]. Когда император Николай II пожертвовал из личных средства деньги на строительство церкви на окраине Олонецкой епархии (на «устройство храма» в приграничном с Финляндским княжеством Ватчельском приходе поступило 2500 рублей), местные крестьяне и Карельское братство собрали оставшуюся часть суммы. В результате появился «просторный, великолепный храм» [31, с. 254].

К 1910 г. братство стало заметной церковной организацией в Карелии. Его отделения появились в Петрозаводске, Повенце, Пудожье, Вытегре, Лодейном Поле, Олонце и в селе Вознесенье. В число членов братства удалось привлечь «исключительно только одно интеллигентское население городов»: главным образом, братству помогали местное духовенство и городская администрация. Основу деятельности братства составляли регулярные

собеседования для местного населения на темы, в той или иной мере связанные с православным вероучением. Здесь братство, судя по его отчетам, добилось существенного успеха. Как указывалось в документах братства, «почти все население поголовно заинтересовано чтениями». Нередко «на них являются лица, даже не понимающие русского языка, с единственной целью посмотреть картины». Для расширения круга участников чтений «братчики» по мере сил начали вести собеседования параллельно по-карельски и по-русски. Для большего успеха собеседований братство подготовило русско-карельский словарь, «специально приноровленный к наречию карел Олонецкого уезда», в значительной степени отличающемуся от диалекта карел Петрозаводского уезда [19, с. 3-8]. В 1912 г. усилиями братства издана на русском и карельском языках брошюра под названием «Как нужно веровать, жить и молиться», рекомендованная впоследствии совещанием духовенства карельских приходов Финляндской и Олонецкой епархий в качестве руководства «при научении истинам веры» [34, с. 5].

С апреля 1911 г. от имени Карельского братства священник Николай Чуков (будущий митрополит Григорий) осуществлял выпуск еженедельной газеты «Олонецкая неделя». Издание содержало разнообразные материалы о политической, церковно-общественной и повседневной жизни. В качестве одной из целей, к которой следовало особенно стремиться, редакция газеты рассматривала всестороннее содействие «оживлению и подъему в населении губернии идей Православия». Издание газеты и подготовка материалов для нее, редактирование текстов включало написание передовой статьи, создание краткого обзора деятельности Государственного Совета и публикацию избранных материалов заседаний Государственной Думы. В газете обязательно помещались одна-две статьи по вопросам прошлого и актуальным проблемам жизни края, публиковались представляющие интерес для местного читателя сведения о событиях за границей, краткие сообщения с мест [44, с. 127]. Работники Олонецкого отделения братства опубликовали в епархиальной

прессе переводы статей на диалекты, понятные местному населению и предназначенные для богословских чтений.

Как видно из речи священника Дмитрия Островского, важной составной частью деятельности Карельского братства стало формирование библиотек при церквях, расположенных в населенных карелами приходах. Вскоре после открытия братства началось выполнение этой непростой задачи. В приходы поступил перевод некоторых «литургийных евангельских чтений со славянского на карельский язык и было также переведено на этот язык одно далекое от совершенства русское поучение на день Сретения Господня» [22, с. 754]. Для того чтобы добраться до отдаленных карельских деревень, один из членов братства изобрел «сумочные библиотеки». Они включали в себя несколько дешевых, но в то же время «очень полезных» изданий на карельском языке [22, с. 5]. Приходские библиотеки создавались и на стабильной основе. Во все карельские приходы Олонецкой епархии братство разослало значительное количество изданий на карельском языке. Созданное в 1911 г. Общество трезвости находилось в ведении Главного Совета Карельского братства, получая от него организационную поддержку [48, с. 9-12].

Архангельское отделение братства выполняло сходные задачи. В его отчете подчеркивалось, что «братство продолжало держаться той же цели, которую имело в виду и в предшествовавшие годы». Оно продолжало по мере возможностей «удовлетворять нужды карельских приходов в церковно-экономическом, религиозно-нравственном, образовательном и других отношениях» [26, с. 866]. Для решения проблемы языкового барьера между пастырями и прихожанами братство предприняло меры, вполне соответствующие миссионерской системе Н.И. Ильминского [9, с. 136-141]. В отчете братства за 1914 г. говорилось: «В целях приготовления в карельские местности кандидатов на священно- и церковнослужительские должности из местных жителей братство содержало и обучало на свой счет одного карельского мальчика в мужском духовном училище и одну карельскую девочку в женском епархиальном училище» [26, с. 867].

В том же году Совет братства не мог не посочувствовать двум карельским юношам, окончившим курс Кемского городского училища и выехавшим почти без всяких средств в Архангельск для продолжения образования своего в учительской семинарии». Юноши получили от братства «посильное пособие» [26, с. 865-870]. Для системы братских школ было характерно обучение основам веры на родном языке с постепенным изучением русского. Успехи деятельности Карельского братства в совершенствовании образовательной и церковно-просветительской деятельности высоко оценивались современниками событий. На страницах «Известий общества изучения Олонецкой губернии» о его деятельности отзывался один из основателей братства священник Дмитрий Островский: «Оживление миссионерской деятельности среди карел, привлечение в карельские приходы лучших пасторских сил (через увеличенное жалование), проповедь на понятном народу карельском наречии и др. дали благоприятные плоды, и об офиннении карел мы теперь не слышим» [21, с. 59].

Данные из отчета Архангельского отделения Карельского братства за 1914 г. показывают, что подбор учителей и священников из числа карелов и решение таким способом проблемы языкового барьера превратилось в одну из главных форм и задач его деятельности. Братство, «заботясь о приготовлении в карельские местности кандидатов на священнослужительские и учительские должности из местных уроженцев», содержало в Островлянской второклассной школе четырех карельских мальчиков, в епархиальном женском училище двух воспитанниц». Одна из них одна «после окончания учебы приступила к работе в одной из карельских школ». Братство материально помогало также одному мальчику, проходящему подготовку в мужском духовном училище [15, с. 193]. Священников и учителей, направляющихся в карельские приходы, братство продолжало поддерживать. В 1913-1914 гг. «в целях скорейшего замещения вакантных должностей в карельских местностях братство в двух случаях оказало пособие вновь назначенным лицам на путевые расходы». Понимая, что для полного успеха церковно-просветительской деятельности среди карелов

необходима литература на «туземном» языке, братство потратило в 1914 г. 13 рублей «на выпуск карельских Евангелий и словарей» [15, с. 194].

Подводя итоги, отметим, что Карельское братство привнесло в начавшуюся до его появления переводческую и просветительскую деятельность организованность и систематичность. С его успехами могли сравниться аналогичные, но менее масштабные и многообразные начинания, предпринятые в Олонецкой духовной семинарии. В ней сходная активность прервалась по инициативе местного духовного начальства. В переводческой деятельности, организованной братством, не удалось избежать общих фатальных трудностей, связанных с передачей основных богословских терминов на карельском языке. Перед переводчиками церковных книг возникла острая и труднопреодолимая проблема «недостаточности» карельского языка для литургических нужд, а использование аналогичных финских слов оставалось недопустимым по политическим соображениям. При огромном разнообразии и сложности задач, стоявших перед братствами, попытка дать их обобщающую характеристику крайне затруднительна.

С одной стороны, они являлись неформальными организациями, самостоятельно разрабатывавшими устав, обладали известной гибкостью, способностью быстро адаптироваться к уникальным условиям жизни епархии. Но, с другой стороны, руководители братств подчинялись епархиальному руководству, а созданные ими уставные документы строго соответствовали общероссийскому церковному законодательству. Цель правовых актов в этой сфере заключалась в том, чтобы постараться перехватить инициативу, возникшую в глубинах церковной жизни, и, подчинив ее действующим законам, поставив под контроль государства, использовать в целях, провозглашенных действующей властью.

Другое объяснение возникновения церковных братств в России заключается в настоятельных требованиях значительной части общества, включенного в процесс обсуждения разносторонних церковных реформ. Известно, что в конце XIX – начале XX вв. в церковной публицистике и

связанных с решением церковных проблем правительственных сферах довольно оживленно обсуждался вопрос о всестороннем возрождении общественных начал в церковной жизни. Речь шла преимущественно о реформировании прихода, однако братствам так же отводилась существенная роль.

Создание Карельского и других братств вполне вписывается в круг мер, призванных возродить былое участие мирян в управлении церковными делами. Во второй половине XIX в. в общественном сознании восстановление прежней активности прихожан отождествлялось с духовным благополучием Церкви. Братства создавались для всесторонней модернизации церковной жизни. Концентрация усилий приходского духовенства на «мирских делах» все менее соответствовала запросам времени, нуждалась в существенной корректировке. Деятельность братств стала ярким примером поиска способов приобщения духовенства к проповеди, церковному пению, духовному просвещению. В существенных изменениях нуждалась ко времени создания братств и система местного управления Церковью. Переводческая и церковно-просветительская деятельность Карельского братства оказалась организованной и систематической. В исторической литературе легко найти аналогии Карельскому братству. В другой части страны, в Казанской епархии, аналогичную роль выполняло братство во имя святителя Гурия. Деятельность братства была тесно связана с именем и системой Ильминского, по которой создавались школы для детей крещеных татар и других поволжских народов. Учебниками для школ служили издания, подготовленные на языках поволжских и сибирских народов [39, с. 327-332].

К концу XIX в. стало очевидно, что для духовных консисторий необходимо решение ряда новых задач, не типичных для предшествующей эпохи и не предусмотренных церковным законодательством. В их числе: анализ текущей ситуации в религиозной сфере, внимательное и всестороннее изучение особенностей паствы, существенно более разнообразные формы контроля над приходским духовенством. Братства становились структурами, которые своей

активностью восполняли пробелы в деятельности органов церковного управления, помогая им в решении новых, крайне непростых, непривычных управленческих задач. Предоставив обществу возможность включиться в решение церковных проблем, губернская и епархиальная администрации, как показывает изучение истории братств, оставляли за собой решающее слово.

Список литературы:

1. Витухновская М.А. Карелы в Карелии «как яблоко раздора»: Русская власть и православная церковь против карельского национализма // Россия и Финляндия в XVIII-XX вв.: Специфика границы. СПб.: Европейский дом, 1999. С. 239-246.
2. Витухновская М.А. Карельские православные братства: формирование и первые годы существования // Православие в Карелии: Материалы науч. конф. Петрозаводск: Издательство ФИЦ КарНЦ РАН, 2000. С. 82-85.
3. Витухновская М.А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России. 1905-1917. СПб.: Норма, 2006. 384 с.
4. Воззвание Олонецкого отделения православного Карельского братства. 1907 // Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/1. Л. 122-122 об.
5. Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров «О правилах для учреждения Православных церковных братств» 1864 года // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание Второе. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. Т. XXXIX. Отд. 1. № 40863. С. 409-410.
6. Высочайше утвержденное положение Совета Министров «О составлении проектов: а) правил об организации православных приходов, приходских попечительств и братств; б) закон о сектантах, отделившихся от инославного исповедания, и о преподавании в школах закона Божия детям сектантов и старообрядцев» (17 октября 1906 года) // ПСЗРИ. Собрание Третье.

СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1909. Т. XXVI. Отд. 1. № 28426. С. 915.

7. Дорофеев Ф.А. Эволюция православных братств Руси/России: Опыт конкретно-исторического исследования: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.02 – Отечественная история. Нижний Новгород, 1998. 23 с.

8. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб.: Синод. тип., 1883. 365 с.

9. Ильминский Н.И. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык // Православное обозрение. 1863. № 10. С. 136-141.

10. История церковных братств в России: Сборник документов: Хрестоматия по истории Русской православной церкви / Сост. Ю.В. Балакшина, Н.Д. Игнатович. 2-е изд., стереотип. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. 232 с.

11. Карельские известия. 1915. № 13. С. 5.

12. Кораблев Н.А. Создание и деятельность православного Карельского братства на территории Российской Карелии // Карелы российско-финского пограничья в XIX-XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 121-161.

13. Котов П.П., Носова Т.А. Православные братства в постпореформенный период: по материалам Вологодской губернии. Сыктывкар: ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, 2023. 228 с.

14. Кочетков Г. Важно, чтобы епископы доверяли братству, а братство – епископам // Приближается утро, но еще ночь: Сборник интервью, взятых Сергеем Смирновым в 1995-2015 годах. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Преображение, 2017. С. 198-200.

15. Краткий отчет о составе, деятельности и средствах Архангельского православного Беломорско-Карельского братства во имя св. архангела Михаила

за 1913-1914 гг. // Архангельские епархиальные ведомости (АЕВ). 1915. № 12. С. 193-197.

16. Лютеранский поход в Карелию // АЕВ. 1906. № 21. С. 659-662.

17. Меньшиков А. Кондокская миссионерская церковно-приходская школа (Краткия историческия сведения) // АЕВ. 1904. № 18. С. 677-678.

18. Никодим. Православное Карельское братство и северно-русское духовное юношество // Олонецкие епархиальные ведомости (ОЕВ). 1910. № 35. С. 711-712.

19. Обзор деятельности отделов православного Карельского братства в Олонецкой губернии. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1910. 12 с.

20. Островский Д. Задачи, деятельность и значение Православного Карельского братства во имя св. Великомученика и Победоносца Георгия: (Речь на религиозно-нравственном чтении 24 янв. 1910 г. в братском Назарьевском Доме г. Петрозаводска). Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1910. 19 с.

21. Островский Д. Преосвященный Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1916. № 5/8. С. 59-60.

22. Островский Д. Годичное общее епархиальное собрание Олонецкого Совета и членов Православного Карельского Братства 16 декабря 1910 года в Назарьевском Братском доме в г. Петрозаводске // ОЕВ. 1910. № 36. С. 754-758.

23. От Совета Олонецкого епархиального церковного братства // ОЕВ. 1907. № 8. Приложение. С. 1-8.

24. Отчет о деятельности Православного Карельского Братства во имя св. Великомученика и Победоносца Георгия в Олонецкой губернии // Приложение к № 3 ОЕВ за 1911 г. С. 1-19.

25. Отчет о составе, средствах и деятельности Православного Беломорско-Карельского Братства во имя Св. Михаила за 1908-1909 гг. // АЕВ. 1909. № 18. Приложение. С. 1-15.

26. Отчет о составе, деятельности и средствах Архангельского Православного беломорского Карельского братства во имя Св. Архангела Михаила за 1910 и 1911 г. // АЕВ. 1911. № 22. С. 865-870.
27. Отчет о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в 1907–8 учебном году // Приложение к № 3 ОЕВ за 1909 г. С. 1-12.
28. Отчет о состоянии Финляндской епархии за 1914 год // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2678. Л. 1-36.
29. Папков А.А. Церковные братства. Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 г. СПб.: Синод. тип., 1893. 147 с.
30. Папков А.А. О благоустройстве православного прихода. С приложением проекта приходского устава. СПб., 1907. 64 с.
31. Пепшин В. Духовное торжество в селе Ватчеле Петрозаводского уезда 4 марта 1912 года (Освящение храма) // ОЕВ. 1912. № 14. С. 254-255.
32. Плосков И.А. Христианская традиция и книжная культура коми (XIX – начало XX в.) // Христианский мир: религия, культура, этнос. СПб., 2000. С. 109-111.
33. Протокол совещания Видлицкого съезда. 1907 // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107/89. Л. 1-24.
34. Протокол совещания духовенства Карельских приходов Финляндской и Олонецкой епархий, состоявшегося 3 сентября 1912 года в с. Салме, Финляндской епархии // ОЕВ. 1912. № 35. Приложение. С. 3-12.
35. Протокол съезда Православного Карельского Братства во имя святого великомученика и победоносца Георгия, состоявшегося в селе Реболы // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 5-31 об.
36. Протокол съезда русских деятелей, состоявшегося в г. Кеми // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102/2. Л. 28-33.
37. Пулькин М.В. Переводческая комиссия Архангельского Комитета Православного миссионерского общества (конец XIX в.) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 97-102.

38. Речь Председателя Православного Карельского братства, иеромонаха Киприана на общем собрании Братства // ОЕВ. 1909. № 19. С. 412-413.
39. Решетова М.Ю. Православные братства Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX вв. (к проблеме религиозных отношений) // Вестник СамГУ. 2008. № 4 (63). С. 327-332.
40. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ (церковные реформы в России 1860-1870 гг.). М.: ИД «Грааль», 1999. 567 с.
41. Рункевич С. Русская Церковь в XIX в. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. 232 с.
42. Сибирцев И. О деятельности Переводческой комиссии, учрежденной при Архангельском комитете Православного миссионерского общества // АЕВ. 1894. № 15. С. 420-421.
43. Случайный очевидец. Православное братство во имя св. пророка Божия Илии в Ивинском приходе Петрозаводского уезда // ОЕВ. 1911. № 23. С. 406-408.
44. Сорокин В. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб.: Изд-во Князь-Владимирский собор, 2005. 736 с.
45. Трофименко В.Г. Возникновение и деятельность православных церковных братств на Европейском Севере России в 1864-1918 гг.: автореф. ... дисс. канд. ист. наук: спец. 07.00.02 – Отечественная история. Архангельск, 2010. 25 с.
46. Трофименко В.Г. Православные братства на Русском Севере в конце XIX – начале XX вв. Архангельск, 2011. 224 с.
47. Трофименко В.Г. Церковь и граница: деятельность православных церковных братств на территории Кемского уезда Архангельской губернии в начале XX века // Вестник Поморского университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 2. С. 28-33.
48. Устав Общества трезвости при Главном Совете Карельского братства // Приложение к № 35 ОЕВ за 1912 год. С. 9-12.

49. Устав Православного Карельского братства во имя св. великомученика и победоносца Георгия // ОЕВ. 1907. № 22. С. 545-549.

50. Устав церковно-православного Братства во имя Преподобного Александра Ошевенского Чудотворца // ОЕВ. 1916. № 6. Приложение. С. 6-9.

51. Флеров И. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб.: Издание книгопродавца Н.Г. Овсянникова, 1857. 324 с.

52. Шадрин А. Торжественное епархиальное собрание Православного Карельского братства // Православный финляндский сборник. 1910. № 4. С. 51-57.

53. Шавельский Г.И. Русская Церковь перед революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. 510 с.

54. Янгель Т.Я. Иркутское церковное братство в честь святителя Иннокентия (Кульчицкого) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 194-198.

55. 25-летие служения в епископском сане преосвященного Мисаила, епископа Олонецкого и Петрозаводского. Петрозаводск: Олонецкая губернс. тип., 1908. 24 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.